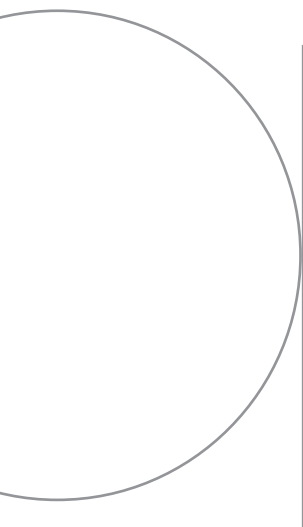




УДК 323
DOI: 10.24412/2686-9756-2026-1-5-27

Ласло Сарка

Национально-государственные аргументы и «Новая Европа»: Т.Г. Масарик и основание Чехословацкого государства

Аннотация. В статье рассматриваются политические идеи и деятельность Томаша Гаррига Масарика, связанные с формированием проекта чехословацкого государства в годы Первой мировой войны. Особое внимание уделяется концепции переустройства Центральной Европы, изложенной Масариком в работе «Новая Европа: славянская точка зрения», а также политическим и идеологическим предпосылкам чехословацкого национального движения. Анализируется эволюция взглядов Масарика от австрославистских и культурно-национальных программ конца XIX – начала XX в. к идее создания независимого национального государства чехов и словаков. Рассматриваются деятельность чехословацкой политической эмиграции в странах Антанты, дипломатические усилия ее лидеров и влияние международного контекста войны на формирование новой государственной концепции. Показано, что проект чехословацкой государственности формировался в сложном взаимодействии национальных устремлений, геополитических интересов великих держав и принципа национального самоопределения, который в процессе послевоенного переустройства Европы нередко отходил на второй план.

Ключевые слова: Томаш Гарриг Масарик, Чехословакия, Первая мировая война, национальное самоопределение, Центральная Европа, чехословацкая эмиграция, национальные движения, распад Австро-Венгерской монархии, малые нации Европы, новая политическая карта Европы.

В международной историографии, посвященной столетию «Великой войны», наряду с анализом явлений и событий, в центре которых традиционно находилась Западная Европа, заметно возрос интерес к восточноевропейской проблематике. Огромное множество конференций, сборников статей и монографий стало посвящаться истории Русского, Балканского и Итальянского фронтов и соответственно — изменившемуся в ходе войны положению народов и наций этих регионов, а также комплексу вопросов, связанных с последовательным крушением четырех династических империй — Германской, Российской, Австро-Венгерской и Османской, и последовавшими за тем революциями, гражданскими войнами и пограничными конфликтами. Таким образом, можно утверждать, что к регионам Восточно-Центральной и Юго-Восточной Европы, как к важнейшим «зонам столкновения» Антанты и Центральных держав, стал проявляться беспрецедентный в сравнении с прежним интерес (Rumpler H., Harmat U., 2015).

В данной статье рассматривается один из сценариев национально-государственного переустройства Центральной Европы в 1918–1920 гг. — проект Томаша Гаррига Масарика, опубликованный под названием «Новая Европа — Славянская Европа». Анализируются его геополитический, военный и дипломатический контекст, а также постепенное оттеснение на второй план основополагающего принципа национального самоопределения. Даже спустя сто лет после трансформации региона из имперского в систему национальных государств среди исследователей нет консенсуса в оценке этих сложных и многослойных событий. Поскольку на них влияли как глубокие исторические предпосылки, так и стремление национальных движений к созданию собственных государств (наряду с судьбоносными решениями великих держав), взаимодействие этих факторов требует тщательного и взвешенного анализа. Авторы, занимающиеся типологией национальных государств региона, в целом сходятся во мнении, что государства, возникшие на руинах многонациональных империй под лозунгом самоопределения наций «большинства» по многим параметрам отличались друг от друга (Leonhard J., 2014).

Как правило, эти национальные государства возникали как выражение устремлений наций, обладавших глубокими историческими корнями или определенной территориальной автономией. Однако в 1918 г. при создании польского, чешского, румынского и сербского государств ключевую роль сыграло псевдофедеративное объединение родственных этносов. Совершенно иной тип представляли собой Австрия, Венгрия и Турция как государства-преемники, унаследовавшие имперское прошлое. В их случае осуществился своего рода «остаточный принцип»:

бывшие доминирующие нации империй смогли сформировать «чистые» национальные государства на своих исконных землях, территория которых оказалась меньше их реального этнического ареала. На самом деле в Восточно-Центральной Европе лишь Финляндию и три балтийских государства можно считать национальными государствами, которые возникли как прямое воплощение изначальных целей национальных движений XVIII в. (Hroch M., 2018).

Из этнически неоднородных династических монархий две — Габсбургская и Османская империи — прекратили свое существование, а Российская и Германская радикально трансформировались. В Центральной Европе возникли государства-преемники, организованные по национальному принципу, а из Османской империи на ее коренной территории в Малой Азии образовалась Турецкая Республика. При этом обширные, преимущественно арабоязычные части бывшей империи были превращены в британские и французские подмандатные территории.

Учёный политик

О Томаше Гарриге Масарике (1850–1937) в годы Первой мировой войны организовавшем чехословацкую политическую эмиграцию с центрами в Париже и Лондоне, и одним из первых инициировавшем преобразование Австро-Венгерской монархии в систему национальных государств, как в оценках современников, так и в исторической памяти существует много самых разных, порой полярных мнений. При этом наблюдается консенсус в оценке того, что важную роль в его политической карьере сыграла сравнительно плодотворная общественно-научная — историко-философская, социологическая и политологическая деятельность.

Будучи преподавателем Венского, а затем Пражского университета, он приобрел известность (в том числе международную) в первую очередь благодаря своим научным трудам — чаще всего написанным по-немецки — о России XIX в., о проблемах самоубийства и антисемитизма. Эти работы принесли ему признание еще до того, как он проявил себя в имперском парламенте как депутат от Чешской реалистической партии или запомнился яркими выступлениями на заседаниях австро-венгерских делегаций. Не случайно с самого начала Масарика причисляли к плеяде «ученых политиков».

Вместе с тем следует отметить, что в своих научных трудах — за исключением, пожалуй, исторических и социологических исследований венского периода (до 1882 г.) и первых пражских лет — он всегда подходил к предмету исследования с позиций практических, политических задач. В своих аналитических работах он стремился (иногда осознанно, иногда интуитивно) отвечать на запросы чешского общества и вызовы

текущей политической ситуации. Именно поэтому некоторые чешские историки, философы — современники воспринимали работы Масарика с некоторым скепсисом.

Многим, например, его философско-исторические работы казались неприемлемыми, поскольку факты в них нередко группировались произвольно, в угоду его собственным философским и историческим концепциям. Это, в частности, касалось таких работ как «Чешский вопрос», а также его исследований, посвященных Яну Гусу, Карелу Гавличеку и Франтишеку Палацкому (Hain R., 1999: 175–182), считавшихся многими неприемлемыми. Вынося за скобки достижения критической чешской историографии, Масарик стремился найти черты преемственности чешской истории и последующего ее возрождения в ценностях гуситского движения и чешской Реформации. Будучи университетским преподавателем, политиком, депутатом имперского парламента от основанной им в 1905 г. Чешской прогрессивной партии и редактором, он непрерывно пытался совместить критико-аналитическую и просветительскую работу с оппозиционной политической деятельностью, главной целью которой считал выработку стратегий выживания и развития чешского общества. Именно поэтому его критики, опиравшиеся сугубо на академические аргументы, часто не достигали цели, пытаясь оспорить его национально-политические взгляды, которые до 1914 г. казались им довольно туманными и сложными для интерпретации Масарик, по сути, выносил за скобки достижения критической чешской историографии; он видел связующую нить чешской истории и ее преемственность в ценностях гуситского движения и чешской Реформации, а также в их последующем возрождении. Будучи университетским преподавателем, политиком, депутатом имперского парламента от основанной им в 1905 г. Чешской прогрессивной партии, он непрерывно пытался совместить критико-аналитическую и просветительскую работу с оппозиционной политической деятельностью. Ее главную цель он всё четче формулировал как выработку стратегий выживания и развития чешского общества. Именно поэтому его критики, опиравшиеся сугубо на академические аргументы, часто не достигали цели, пытаясь оспорить его национально-политические взгляды, которые до 1914 г. оставались довольно туманными и сложными для интерпретации (Opat J., 1990: 75–86; Soubigou A., 2004: 149–157; Dobossy, L., 1989: 85–146; Masaryk T. G., 1990; Szarka L., 1994: 9–27; Szarka L., 2005: 109–121).

Место малых наций в Европе и чехословацкий вопрос

Рассматривая восточноевропейское пространство «малых наций», расположенное между Россией и Германией, Масарик — под впечатлением от балканских конфликтов — уже с 1910 года считал, что для населяю-

щих этот регион народов настало время заложить основы для самостоятельного государственного существования. В поисках ответа на главный вопрос о том, каким образом целесообразнее сохранить и реализовать устремления малых наций: оружием или мирным трудом, — работа «Чешский вопрос» давала однозначный ответ, ставя во главу угла гуманизм: «Не насилием, а мирно, не мечом, а плугом, не кровью, а трудом, не смертью, а жизнью следует бороться за жизнь — таков ответ чешского гения, таков смысл нашей истории и послание наших великих предшественников» (Masaryk T.G., 1908: 126–127). В этой ранней формулировке чехословацкой государственной идеи Масарик подчеркивал приоритет созидательной работы и мирных средств. Из-за постоянного акцента на принципах гуманизма ему часто приходилось отбиваться от обвинений в излишней уступчивости, хотя и в «Чешском вопросе», и в большинстве своих важнейших историко-философских трудов он твердо отстаивал право на самооборону. «Даже самая чистая идея гуманизма не запрещает и не может запрещать оборону; именно чешская Реформация ясно и неоспоримо доказала всем, что оборона не тождественна насилию» (Masaryk T.G., 1908: 126–127).

Его национально-философские труды — от обоснования чешских австро-славянских программ до идеи восстановления независимости Чехии — во многом перекликались с исторической концепцией Палацкого. Однако в двух аспектах Масарик с ним расходился. Во-первых, чешско-немецкое сосуществование до 1914 г. никогда не казалось ему борьбой не на жизнь, а на смерть, как это трактовал Палацкий; Масарик скорее видел в этом благородное соперничество. Лишь в годы Первой мировой войны, став лидером зарубежного чехословацкого сопротивления, он — из тщательно продуманных тактических соображений — выстроил свои аргументы вокруг противостояния чешско-немецкого и славяно-германского начал. Во-вторых, самым долговечным ценностным наследием и идеалом чешской истории Масарик считал не мифическую «исконную славянскую демократию» туманной праистории, идеализированную Палацким, а идеалы гуситства (Šolle Z., 1995: 139–148).

Вместе с тем в ранних формулировках чешской национальной программы Масарика еще отсутствовали требования, основанные на историческом государственном праве (то есть идея восстановления исторического Чешского королевства). Точно так же лишь постепенно частью чешской программы независимости становились плоды чешско-словацкой взаимности, которую он активно поддерживал. Эти естественно-правовые концепции, этнически обоснованные и нацеленные на совместное чешско-словацкое сосуществование, время от времени всплывали на ранних мероприятиях движения «Чехословацкое единство» и на дискуссиях

онных площадках чешских словакистских инициатив. С начала 1890-х гг. все эти идеалы и планы стали для Масарика, активно погруженного в партийную политику, парламентскую работу и публицистику, вопросами повседневной практики. Было бы ошибкой считать, что его взгляды трансформировались внезапно, а решения менялись «в один день»; подобную эволюцию фиксировала даже национальная политика венгерского правительства эпохи дуализма (Szarka L., 2012: 3–14).

Следовательно, радикальному национально-государственному повороту, который Масарик совершил в эмиграции во время войны, и перелому в его политической позиции предшествовала длительная идейная эволюция. Он всегда стремился подкреплять ее синтезом теоретических рассуждений и практического опыта. Например, трактуя как чешско-немецкие, так и чешско-словацкие отношения, он опирался на богатый социологический и политический бэкграунд, в обоих случаях стараясь переосмыслить свою прежнюю систему аргументов. Масарик не считал чешско-немецкий конфликт в рамках Габсбургской монархии заведомо неразрешимым. Об этом свидетельствовал чешский и моравский национальный пакт — новый *modus vivendi* в сфере языка, администрации и избирательного права, выработанный ценой долгих согласований на исходе эпохи дуализма, в начале XX в. Без вмешательства мировой войны это вполне могло бы привести к формированию консоциальной демократической модели в Цислейтании.

Однако уже в первые недели мировой войны сам Масарик начал оценивать ситуацию иначе: к осени 1914 г. он больше не видел возможностей для решения «чешского вопроса» внутри Монархии. Впрочем, это выглядит не столько как вывод, сделанный на основе прошлого опыта и спокойных наблюдений, сколько как дерзкое решение политика. Воспользовавшись шансом на полное переустройство Европы, который дала война (включая реализацию концепции системы малых государств), он осознанно ушел в эмиграцию и взял на себя соответствующие обязательства.

В рамках чехословацкой эмигрантской пропаганды, развернутой в странах Антанты и у их союзников в годы войны, Масарик по понятным причинам стремился раздуть славяно-германские противоречия до «космических» масштабов. В противовес концепции *Mittleuropa* (Срединной Европы), монополизированной пангерманизмом, он провозглашал создание независимых малых государств единственной легитимной формой существования «зоны малых наций» между Германской и Российской империями. Для чешско-немецких отношений этот шаг стал источником серьезных конфликтов. При определении границ Чехословакии сразу же возникла проблема меньшинств — прежде всего, более чем трехмиллионного немецкого населения. Именно обострение чешско-немецких

противоречий вокруг этого вопроса создало огромные трудности для Масарика после его избрания президентом республики в ноябре 1918 г.

Другим серьезным испытанием при выработке новой национальной программы стало определение места чешской нации в славянском мире и прояснение новых связей с другими славянскими народами — в первую очередь со словаками, наиболее близкими в языковом отношении. К началу XX века эпоха романтического панславизма и восторженного русофильства безвозвратно ушла: роль Российской империи как «покровительницы славян» могла служить реальной опорой разве что для балканских народов. В то же время для поляков великодержавный эгоизм и холодность Петербурга становились источником нарастающей горечи, а для чехов и словаков — причиной множества разочарований.

В начале XX века, во многом по чешской инициативе, сформировалась подчеркнуто «неполитическая» концепция так называемого неославизма. Особую роль в этом сыграл Карел Крамарж — бывший соратник Масарика по «младочешскому» лагерю и будущий первый премьер-министр Чехословакии. Масарик же с самого начала считал это движение, заявленной целью которого было выстраивание реальных славянских экономических и культурных связей, нежизнеспособным. Причиной тому была его иллюзорная аполитичность и размытость принципов. Вместо этого Масарик настаивал на скорейшем развитии практического сотрудничества между славянскими народами, наиболее близкими друг другу географически, экономически и лингвистически.

В качестве примера он приводил движение чешско-словацкого единства, которое сам поддерживал и отчасти направлял с 1890-х годов. Однако на рубеже веков чешско-словацкие отношения скорее служили наглядной иллюстрацией трудностей славянского сотрудничества. Во второй половине XIX в. связи между родственными народами носили эпизодический характер. Сначала этому способствовало языковое самоопределение словаков, затем — попытки чешско-венгерского сближения, возникавшие накануне Австро-венгерского соглашения и периодически возобновлявшиеся позже. На протяжении почти трех десятилетий поддержание «родства» сводилось к личным контактам, торжественным встречам, взаимному «изумлению» и локальным инициативам узкого круга чешской словакофильской интеллигенции. Движение чешско-словацкого единства, инициированное преимущественно Масариком и его пражскими студентами-словаками (Вавро Шробаром, Паволом Благо, Богданом Павлу, Миланом Растиславом Штефаником, Антоном Штефанеком), стремилось перевести отношения двух народов, охладевшие в годы дуализма, в русло прагматичных экономических, кооперативных и образовательных связей (Holec R., 2015: 265–298).

Главное противоречие этого начинания заключалось в убеждении Масарика, что словаки — это лишь часть единого чешского народа, проживающая на севере исторической Венгрии. Соответственно, высший смысл чешско-словацкой взаимности и движения единства он видел в создании (или, в его понимании, восстановлении) полной национальной общности. И если до 1914 г. Масарик чаще всего говорил лишь о культурном единстве, то в программе чехословацкого государственного строительства он уже стремился реализовать принцип полного национального слияния. «Словаки на самом деле — те же чехи, — писал он в меморандуме 1915 г. для британского Министерства иностранных дел, — несмотря на то, что они используют свой диалект в качестве литературного языка. Они также стремятся к независимости и принимают программу объединения с чехами» (Masaryk T., 1923: 95).

Соответственно, с самого начала он подчеркивал преимущества объединения чехов и словаков, одновременно осуждая пассивность довоенной словацкой политики и ее иллюзии относительно «большой политической игры». Масарик сетовал на отсутствие у словаков проработанной, реалистичной национальной программы и называл контрпродуктивным их отказ от чешской помощи, равно как и общее недоверие к чехам (Masaryk T., 1923: 95). В масариковской концепции чехословацкого национального единства изначально переплетались реалистичные наблюдения и трезвые политические оценки (например, критика венгерского национализма) с весьма спорной исторической аргументацией и сомнительными этническими и философскими доводами (Pekník M., 1995: 227–236).

Хотя Масарик прекрасно осознавал исторические и социологические различия в развитии чехов и словаков, руководствуясь политическим утилитаризмом, с 1915 г. он начал открыто провозглашать единство двух наций.

Политические цели чехословацкой эмиграции

В августе 1914 г., с началом войны, чешская политическая элита раскололась на три крупные фракции. Лояльность монархии и императору сохранили довольно широкие слои общества — от чешских и моравских католиков до социал-демократов. Вторая, не слишком многочисленная неославянская и русофильская группа сплотилась вокруг К. Крамаржа (в 1915 г. он был арестован по обвинению в госизмене и приговорен к смертной казни, но позже амнистирован императором Карлом). Эта фракция заметно усилилась на фоне чешского народного сопротивления в годы войны и поддерживала связи с австрофобскими кругами сторонников независимости, возглавляемыми Масариком. Очевидно опираясь

на внешнеполитический опыт, приобретенный в период Балканских войн, вскоре после убийства в Сараево и августовского объявления войны 1914 г., Масарик принял окончательное решение.: в возрасте 64 лет он начал готовиться к эмиграции. Тщательно проанализировав настроения политических элит в Вене, Германии и Праге, он подготовил финансовую базу для будущей работы за рубежом (рассчитывая на поддержку чешских и словацких эмигрантов в Америке) и наладил связи со своими британскими контактами (Soubigou A., 2004: 161–165).

Вскоре после начала боевых действий Масарик впервые изложил свое видение послевоенного переустройства монархии в подробном меморандуме, направленном в британский Форин-офис. В сентябре и октябре 1914 г. ему дважды удалось выехать в нейтральные Нидерланды. В сентябре он написал письмо Роберту Уильяму Сетон-Уотсону, лондонскому внешнеполитическому корреспонденту газеты *The Times*, с просьбой о встрече в Роттердаме; эта встреча состоялась в середине октября, во время его второй поездки (Rychlík J., Marszik D.T., Bielík M. (eds.), 1995: 201–208). К тому времени Сетон-Уотсон уже считался признанным экспертом по национальному вопросу в Центральной Европе, и по итогам их секретных переговоров 24–25 октября он подготовил для британского МИДа детальный отчет. Суть замысла Масарика, уже тогда рассчитывавшего на поражение Германии, сводилась к плану создания независимой Чехии (*independent Bohemia*). В рамках этого проекта он с самого начала настаивал на включении в ее состав не только исторических чешских и моравских земель и чешской Силезии, но и словацких комитатов Верхней Венгрии. Их границы он очерчивал частично по Дунаю, частично по Малому Дунаю (образующему северную границу Житного острова), затем по реке Ипель, а далее — вплоть до русинских территорий — по венгерско-словацкой языковой границе. Показательно, что в этом осеннем наброске 1914 г., описывая венгерско-словацкий аспект, Масарик — «при условии оставления Токая за Венгрией» — очевидно реагируя на октябрьское (1914) вторжение русских на северо-восток Венгрии, относил Ужгород, Мукачево и Мармарош-Сигет уже к территории Российской империи. (Rychlík J., Marszik D.T., Bielík M. (eds.), 1995: 209) Этим я лишь хочу показать, что ещё до ухода в эмиграцию у него уже была более-менее готова и согласована с рядом чешских политических соратников и экспертов концепция, которая, исходя из неизбежности поражения Центральных держав и распада монархии, видела будущее региона в его разделении на национальные государства. После поездок в Нидерланды, в декабре 1914 г., Масарик вместе с дочерью Алисой под видом «поездки на лечение» эмигрировал через Рим. С января 1915 г. неподалеку от французской границы, близ

Женева, они организовали свой первый постоянный эмигрантский центр (Kubů E., 2015: 32–43).

Политическая эмиграция, известная в чешской и словацкой историографии как «зарубежное чехословацкое сопротивление», в 1915–1916 гг. действовала главным образом из Женева и Парижа. Наряду с Масариком в западноевропейское руководство входили Эдвард Бенеш, словак с французским гражданством Милан Растислав Штефаник, а также Штефан Осуский, присоединившийся к ним в 1916 г. по поручению Американской словацкой лиги. Штаб-квартира эмигрантского Чехословацкого национального совета располагалась в Париже. При этом руководство постоянно поддерживало связь с чешскими и словацкими организациями в России, США и Великобритании (Szarka L., 1990: 437–441).

На протяжении всего этого времени важнейшую роль играли британо-американские связи Масарика, франко-британская кулуарная дипломатия Бенеша, а также знакомства Штефаника в Италии и Франции вкупе с его незаурядным военным организаторским талантом (Hájková D., 2014: 101–111, 270–280). Кроме того, с октября 1916 г. важной платформой для формирования программы политической эмиграции и влияния на политику великих держав стал журнал «Новая Европа» (*A New Europe*), основанный в Лондоне Сетон-Уотсоном и Масариком (Bari L.B., 2016: 72–81).

Что касается пражского «внутреннего сопротивления» (т.н. «Чешской мафии»), то австрийской полиции не удалось ликвидировать его даже после того, как 21 мая 1915 г. на основании слежки и неопровержимых улик был арестован Крамарж. Несмотря на постоянный полицейский надзор, группе Масарика удавалось поддерживать непрерывную связь с родиной. Это было критически важно не только для координации действий, но и для получения внутривластной информации и работы с прессой (Kalvoda J., 1998: 78–96, 220–234).

Акции Масарика в 1915 г. привлекли пристальное внимание западноевропейских газет: сначала это была речь, приуроченная к 500-летию сожжения Яна Гуса, а затем лекция «Проблема малых наций в европейском кризисе», прочитанная 19 октября 1915 г. в Лондонском университете под патронажем британского премьер-министра Герберта Генри Асквита. В следующем году качественным прорывом для эмигрантского движения стала встреча Масарика с французским премьером Аристидом Брианом. Тем временем Бенеш методично снабжал британскую, французскую и американскую прессу материалами об «угнетенных нациях» Габсбургской монархии (Masaryk T.G., 1960). Опираясь на хорошо организованное американское и французское «славянское пресс-агентство» и газету «Чешская нация» (*La Nation Tchèque*), запущенную при содействии

Эрнеста Дени, чехословацким лидерам удалось пробиться в высшие круги парижской политической публичности.

Параллельно, начиная с 1916 г., под руководством Штефаника и Масарика развернулось формирование чехословацких легионов из военнопленных чехов и словаков — сначала во Франции и России, с 1917 г. в Италии, а в 1918 г. и в США — с последующим их включением в состав армий Антанты. Особенно выдающуюся роль в этом процессе сыграл М.Р. Штефаник: ему удалось добиться того, чтобы легионы (общая численность которых в четырех странах достигала 70–90 тыс. человек) выступали как всё более самостоятельная военная сила. Во многом именно этот фактор на завершающем этапе мировой войны привел к тому, что задолго до ее окончания — в период с июля по сентябрь 1918 г. — Париж и Лондон, а вслед за ними и президент США признали чехословацкие легионы союзной армией, а сам Чехословацкий национальный совет — союзным правительством (Ferenčuhová B., 2014: 13-26, 47-59; Kalvoda, 1998: 220-234).

«Новая Европа» — в славянском представлении

Среди десятков меморандумов чехословацкой эмиграции, подготовленных за четыре года мировой войны, особенно информативной и значимой стала политическая брошюра «Новая Европа». Масарик начал систематизировать свое видение Европы в 1917 г. в Петрограде и завершил этот труд, носивший ярко выраженный пропагандистский характер, в июне 1918 г. в Вашингтоне (Masaryk T.G., 1923: 411–428). В этом программном тексте, изданном осенью 1918 г. в Лондоне на английском языке, а затем переведенном на многие языки мира, противостояние двух военных блоков трактовалось как борьба демократии и теократии, а чехословацкое движение — наряду с другими «угнетенными нациями» Восточной и Центральной Европы — объявлялось естественным союзником Антанты. Позитивный смысл мировой войны Масарик видел в освобождении малых восточноевропейских народов и национально-государственном переустройстве региона: «Я считаю правильным рассматривать нацию и национальность как цель общественных устремлений, а государство — как средство. Неоспоримо, что всякая сознательная народная общность стремится к созданию собственной государственности» (Masaryk T.G., 1923: 42).

Роль исторической Венгрии, поведение венгерской политической элиты в годы войны и национальную политику эпохи дуализма Масарик подвергал крайне суровой критике, порой прибегая к публицистическим преувеличениям. Характерно, что историческую отчужденность словаков по отношению к чехам он объяснял исключительно «жестоким» венгерским национальным гнетом: «Изолированность венгерского языка, кото-

рый мало кто знает, и невозможность тщательного контроля со стороны Запада позволяют венграм сохранять свой олигархический абсолютизм и империализм. Этот абсолютизм они прикрывают маской респектабельности, называя его “венгерской государственной идеей”; в этом венгры схожи с прусскими юнкерами, превозносящими идею прусского государства. Еще св. Иштван, основатель венгерского государства, говорил, что государство, состоящее лишь из одного народа, несовершенно; политическое мировоззрение наций-угнетателей всегда и везде одинаково, и между пруссаками, австрийцами, венграми и турками существует глубинное внутреннее родство» (Masaryk T. G., 1923: 70). Намеренно искажая в откровенно полемических целях пассаж из «Наставлений» о приеме чужестранцев (*hospesek*), Масарик сознательно и предвзято конструировал негативный образ Венгрии. В целом страницы «Новой Европы», посвященные Венгрии, изобилуют откровенно односторонними и тенденциозными утверждениями.

Подобная риторика прослеживается и в тех разделах, где описывается развитие словацкого народа в рамках исторического венгерского государства. По версии Масарика, эта общность, будучи частью «чехословацкой нации», «уже в VII в.» (!) противостояла Германии и Австрии. Исконно словацкие этнические территории Верхней Венгрии («Словенско») он называл центральным ядром Великоморавской державы, а в обоснование чешско-словацкого единства приводил, в частности, следующие аргументы: «В X в. эта часть была отторгнута от отечества [!]; позднее она на некоторое время вновь объединилась с “родственным племенем” и даже имела период самостоятельности¹. В культурном отношении словаки всегда сохраняли тесную связь с чехами... Следовательно, объединение чехов и словаков — требование абсолютно легитимное» (Masaryk T.G., 1923: 50).

Трактовка исторического контекста словацкого вопроса у Масарика с самого начала отличалась односторонностью: уже в книге «Чешский вопрос», а затем и в более поздней публицистике о словаках, он повторял стереотипы и предубеждения Палацкого в отношении венгров, подкрепляя их аргументами из арсенала тогдашнего словацкого национализма. В контексте политической борьбы тех лет всё это, возможно, не имело столь серьезного значения, однако в том историческом образе венгров (формируемом «о нас»), который до сих пор бытует в чешском и словацком сознании, эти клише и предубеждения продолжают жить.

1 Таким образом Масарик, по-видимому, хотел сослаться на миф о «словацкой» провинциальной обособленности периода владычества Матуша Чака или гуситского периода, связанного с Яном Искрой.

Пределы допустимых уступок в политике по отношению к национальным меньшинствам в будущем многонациональном чехословацком государстве в 1918 г. Масарик очерчивал в соответствующих главах «Новой Европы» следующим образом: «Добросовестно реализованное национальное самоуправление, признание языка в школах, административных учреждениях и парламенте в определенных случаях — особенно если речь идет о национальном меньшинстве — могло бы достичь цели, но это неприменимо к большинству, то есть к целым нациям, таким как чехословаки, поляки и другие». Там же, рассуждая о языковых правах, он подчеркивал: «В этнически смешанных регионах официальное признание какого-либо одного языка, как правило, становится поводом для национальных распрей, поэтому угнетенная национальность должна добиваться, чтобы ее языковые права признавались отдельно и гарантировались законом» (Masaryk T. G., 1923: 37). Таким образом, в 1917–1918 гг. Масарик считал необходимым обеспечить равноправие местных языков и культур в национально смешанных государствах.

Три встречи с президентом Вильсоном

В декабре 1917 г. Масарик покинул Россию и через Японию направился в Соединенные Штаты. В Токио он подготовил для американского внешнеполитического ведомства меморандум о ситуации в России, прежде всего о военной и внутривойсковой обстановке в Сибири. В нем Масарик подчеркивал необходимость установления американских контактов с большевистским правительством и предотвращения японской интервенции. Одновременно он акцентировал внимание на том, что чехословацкие легионы в России (численность которых он оценивал в 30–40 тыс. человек) взяли под контроль ключевые станции Транссибирской магистрали на участке от Челябинска до Владивостока. Этот токийский меморандум, наряду с известиями о прибытии Масарика в США, вызвал огромный резонанс в американском обществе: существовали серьезные опасения, что Соединенные Штаты могут невольно оказаться втянутыми в гражданскую войну в России.

В апреле 1918 г. Масарик прибыл в Соединенные Штаты. 5 мая в Чикаго чешские и словацкие организации устроили ему торжественную встречу, а уже через четыре дня он прибыл в Вашингтон. На вокзале его приветствовали сенатор Ричард Крейн и 27 членов Конгресса. Сам Масарик и его американские знакомые прилагали все усилия, чтобы президент Вильсон принял его как можно скорее. Позиции Масарика усиливала декларация, принятая на римском конгрессе «угнетенных народов» Монархии в апреле 1918 г., которая требовала ликвидации Австро-Венгрии. Несмотря на это, во второй половине мая ему удалось встретиться

лишь с заместителем госсекретаря Уильямом Филлипсом, а в начале июня с госсекретарем Робертом Лансингом. И хотя американская пресса чествовала Масарика как борца за свободу славянских народов, а сам он при каждом удобном случае призывал США выступить против Австро-Венгерской монархии и поддержать малые народы в их стремлении к независимости, глава Госдепартамента обсуждал с ним исключительно «сибирский вопрос». Подобным же образом прошла и первая встреча Масарика с президентом США 19 июня 1918 г. В своих заявлениях для прессы в мае–июне Масарик не раз называл Вильсона решающей фигурой мировой политики в контексте завершения войны. Под конец беседы Масарик дал понять, что правительства Франции и Великобритании уже приняли решение не поддерживать сохранение целостности Австро-Венгрии, рассчитывая тем самым подорвать единство Центральных держав и ускорить победу. Он просил Вильсона принять аналогичное решение. Согласно лаконичной записи Масарика об этой встрече, Вильсон «принял это мнение и согласился с ним» (Kovtun J., 1987: 276).

Под влиянием новостей о массированных наступлениях Центральных держав, начавшихся в июне 1918 г. на Западном и Итальянском фронтах, никто из ответственных лиц в Вашингтоне не желал поддерживать идею интервенции в Россию. Это с каждым днем повышало значимость находившихся там чехословацких легионов, которые всё чаще вступали в вооруженные столкновения с советскими войсками. В день переговоров Масарика с Вильсоном чехословацкие части как раз заняли железнодорожную станцию Омск и ее окрестности. Для Вильсона известия о немецком наступлении во Франции и австро-венгерском в Италии поставили вопрос ребром: можно ли и дальше сохранять сдержанную политику в отношении наиболее уязвимой из Центральных держав Габсбургской монархии, или же следует дать зеленый свет стремлениям «угнетенных народов» к независимости?

Госсекретарь Роберт Лансинг с самого начала увязывал сибирскую интервенцию с поддержкой чехословацких легионов (которые к середине июня взяли под контроль Владивосток) и с вопросом раздела Австро-Венгрии на национальные государства. Опираясь на настойчивые призывы западных союзников к интервенции, 25 июня Лансинг подготовил для Вильсона срочный меморандум. В нем он подчеркивал, что поражение Германии, «крах прусских планов *Mitteuropa*» и ликвидацию немецкой оккупации России «надежнее всего можно обеспечить путем ликвидации монархии Габсбургов». «Мне представляется, — писал он президенту, — что ввиду нынешней политической и социальной напряженности в Австро-Венгрии и провала ее наступления против Италии не только политически целесообразно, но и справедливо по отношению к соот-

ветствующим народам безоговорочно встать на сторону независимой Польши, независимой Чехии и независимого югославского государства, а также поддержать право румын и итальянцев, находящихся в составе монархии, воссоединиться с теми, к кому они принадлежат по природе вещей». На следующий день Вильсон в своем ответе выразил согласие с госсекретарем. Таким образом, в австро-венгерской политике американской администрации произошел радикальный поворот, не суливший ничего хорошего Центральным державам и особенно австро-венгерскому монарху, отчаянно пытавшемуся сохранить империю единой (Kovtun J., 1987, 277-278).

Вскоре после этого Вильсон попытался охладить пыл американских политиков, выступавших за полномасштабную интервенцию в России, и в начале августа объявил, что участие Вашингтона ограничится лишь поставками оружия сибирским чехословацким легионам и отправкой военного контингента численностью 7 тыс. человек. Одновременно, не в последнюю очередь благодаря настойчивости Масарика, Лансингу удалось убедить президента выпустить 3 сентября 1918 г. декларацию. В ней провозглашалось, что «правительство Соединенных Штатов признает зарубежный Чехословацкий национальный совет де-факто воюющим правительством, наделенным всеми полномочиями для руководства военными и политическими делами чехословацкого народа»².

После этого на протяжении полутора месяцев Масарик и Вильсон общались только по переписке. Их вторая встреча, еще более короткая, чем первая (она длилась едва ли 20 минут), состоялась 11 сентября. В начале этого визита вежливости Масарик поблагодарил президента за официальное признание Чехословацкого национального совета США. Главной темой короткой беседы стала оценка боевых действий чехословацких легионов в Сибири. Вильсон назвал достижения чехословаков беспримерным историческим подвигом. Однако запись Масарика об этой встрече заканчивается упоминанием о том, что он пообещал прислать президенту немецкую этнографическую карту со своими комментариями. Это дает веские основания полагать, что к тому моменту Вильсон уже осознал этническое многообразие проектируемого чехословацкого государства (Kovtun J., 1987: 431-432).

В октябрьские дни пребывания в Вашингтоне, помимо непрерывных дипломатических переговоров, Масарику предстояло решить еще две важные задачи. Во-первых, он подготовил декларацию независи-

2 Согласно заключительному предложению заявления, американское правительство выразило готовность оформить союз с признанным де-факто правительством в войне против общего противника (Kovtun J., 1987: 396).

мости чехословацкого государства. Во-вторых, чувствуя сдержанность американской элиты и ее опасения по поводу национально-государственного раздела Центральной Европы, он решил при содействии польских, южнославянских и румынских коллег разработать и принять декларацию о намерениях создать союз освобожденных центрально-европейских наций.

Третья встреча Вильсона и Масарика состоялась накануне отъезда последнего на родину, на следующий день после того, как 14 ноября 1918 г. в Праге его избрали президентом республики. В ходе получасовой аудиенции Масарик выразил признательность за американскую поддержку чехословацких устремлений, после чего стороны обменялись мнениями по польскому и русскому вопросам. Масарик считал, что, за исключением Финляндии и Польши, территориальную целостность Российской империи следует сохранить. Он также посоветовал Вильсону на предстоящей мирной конференции выступать в роли защитника общих принципов и не позволять втягивать себя в европейские «частные вопросы» (Kovtun J., 1987: 628-629).

Основание государств, национальная политика в духе национальной диктатуры

В «Новой Европе», касаясь защиты меньшинств в Германии, Австро-Венгрии и Турции, Масарик вполне справедливо критиковал позицию, согласно которой положение меньшинств считалось исключительно внутренним делом суверенных государств: «Пока этот фарисейский принцип остается в силе, осуществить самоопределение народов, разумеется, невозможно» (Masaryk T.G., 1923: 39). Этот часто цитируемый тезис Масарик признавал применимым и к государствам-преемникам; более того, он неоднократно ссылался на положения мирных договоров, гарантирующие права меньшинств: «Права национальных меньшинств закреплены Парижской мирной конференцией. Мы же хотим дать нашим национальным меньшинствам, в том числе венграм, этому ценному, целеустремленному, честному и доброму народу, гораздо больше» (Masaryk T.G., 1933: 310–314).

Отношение Масарика к меньшинствам в Чехословакии, и особенно к венграм, можно интерпретировать по-разному. После его избрания на пост президента политическая ответственность неизмеримо возросла; акценты в его заявлениях, статьях и речах заметно менялись в зависимости от аудитории и конкретных политических целей. Одно из наиболее поразительных и, несомненно, самых судьбоносных для меньшинств изменений касалось его отношения к плебисциту. Если в 1917 г. он сам поддерживал принцип проведения плебисцитов для определения границ,

то аналогичное предложение венгерского правительства Каройи он категорически отверг, равно как посчитал его неприменимым и при решении немецкого вопроса (Kautmann F., 1990: 39).

Трансформировались и взгляды Масарика на возможность проведения этнических границ и значение т.н. стратегических рубежей. Если в 1917 г., рассматривая чешско-немецкую и венгерско-словацкую пограничные проблемы, он был склонен максимально учитывать этнический принцип и не придавал первостепенного значения геостратегическим факторам, то в 1919 г. ситуация изменилась. Как наглядно показала война между Венгерской советской республикой и Чехословакией, Масарик перестал считать даже Дунай достаточно надежной границей и планировал захват плацдармов на его правом берегу (Okmányok T., 1954: 50-51).

Для Масарика работа по государственному строительству Чехословакии не завершилась ни деятельностью в эмиграции, ни после — с избранием на пост президента, ни триумфальным возвращением на родину. Показательно, что в ноябре 1918 г., возвращаясь из США через Париж в Чехословакию (которую державы-победительницы летом 1918 г. признали де-факто независимым государством), среди своих главных задач он видел обеспечение внутренней стабильности. Это подразумевало нейтрализацию сопротивления и автономистских или сепаратистских устремлений у словаков, русинов и, прежде всего, у второй по численности национальной общины нового государства чешских немцев, которых тогда насчитывалось почти три миллиона (Masaryk T. G., 1991: 23-35).

Приближаясь к своему семидесятилетию, глава государства с полной отдачей включился в формирование правового, политического и общественного порядка. Помимо стабилизации баланса сил между политическими партиями, выработки компромиссных механизмов между правящими коалициями и обеспечения хотя бы минимальной лояльности со стороны оппозиции (что, к слову, стало условием легализации Коммунистической партии Чехословакии, возникшей в 1921 г. в результате раскола социал-демократов), Масарик сыграл ведущую роль в формировании государственной идеологии новой республики (Vondrášek V., 1995: 96–102).

Чрезвычайно масштабная программа социальных реформ, сопоставимая в регионе разве что с ранним этапом государственного строительства в Австрии, а также общий внутри- и внешнеполитический курс страны во многом отражали личные идеи Масарика. Из этого сложнейшего процесса я выделю лишь базовые принципы национальной политики Первой Чехословацкой Республики, которые были сформулированы с подачи Масарика еще в годы мировой войны. Хотя чехословацкая эмиграция долгое время старалась не афишировать тот факт, что в про-

ектируемом чешско-словацком государстве численность нечешского и несловацкого населения превысит четыре миллиона человек, с самого начала декларировалось, что меньшинствам в составе Чехословакии будут предоставлены максимально широкие права (Havlin M., 2011: 18-25).

В соответствии с этими декларациями и международными гарантиями (которые Чехословакия активно поддерживала и в значительной мере брала на себя добровольно), чехословацкое законодательство в первые годы пыталось кодифицировать языковые права национальных меньшинств. Так, 29 февраля 1920 г. был принят Закон о языке (№ 122/1920), установивший 20-процентный барьер: в административных округах, где более 20% граждан говорили на языке, отличном от «чехословацкого», органы власти были обязаны принимать обращения и вести делопроизводство на этом языке. На практике эта норма распространялась, в частности, на немецкий, венгерский, русинский и польский языки (Petráš R., 2009: 36–45).

В решении проблемы меньшинств Масарик изначально не исключал использования любых инструментов. Так, еще до основания республики, а затем и на посту президента он неоднократно выражал убежденность в том, что при обоюдном согласии с соседними государствами, в первую очередь с Венгрией, возможна мирная ревизия границ, иногда даже допуская вероятность территориальных компенсаций³.

Одновременно Масарик предлагал меры внутреннего национального примирения (многие из которых так и остались нереализованными): преподавание языков меньшинств в школах национального большинства; создание общенационального гимна, с которым могли бы идентифицировать себя все граждане республики; поддержку высшего образования и научной деятельности меньшинств и тому подобное (Petráš R., 2009).

Однако первоначальный импульс как в законодательстве о национальностях, так и в практике проведения дальновидной и позитивной политики в отношении меньшинств со временем угас. Когда в 1935 г. (еще при президентстве Масарика) началась разработка т.н. Статута о меньшинствах, пражские министерства на запросы правительства о действующих нормах в этой сфере чаще всего отвечали либо отрицательно, либо сугубо формально. Это свидетельствовало о том, что равноправие меньшинств в отдельных сферах общественной жизни так и осталось неурегулированным. Столь же мало осуществился и принцип Масарика,

3 Масарик, например, обсуждал данный вопрос с уполномоченным Антанты генералом Сметсом в апреле 1919 г.; возможность переговоров о передаче части территорий с венгерским населением он упоминал, например, в письме В. Шробару.

что лояльность меньшинств должна обеспечиваться проактивной, позитивной политикой государства (Szarka L., 2016: 135–147).

В межвоенной Чехословакии разрыв между позитивными идеями Масарика о меньшинствах и их практической реализацией непрерывно увеличивался. Эту реальность были вынуждены признать даже проправительственные (на языке того времени — «активистские») венгерские круги: «К сожалению, в стране Масарика, включая самого президента, найдется едва ли пара дюжин людей, которые были бы настоящими сторонниками той идеи, что наполняет нашу эпоху и определяет дух времени [т.е. демократии]. В Чехословакии низовые органы власти по-прежнему обращаются с национальными меньшинствами так, словно постоянно хотят их наказать; тех, кто живет здесь и занимается созидательным трудом, словно каждый раз отправляют на Голгофу, и спустя почти 10 лет после создания республики по-прежнему существуют граждане первого и второго сорта, “привилегированные” и бесправные. [...] Пражский Град стоит высоко, и мы, венгры Словакии, лишь изредка можем предстать перед первым лицом государства, чтобы поведать о наших бедах и показать ему, что его прекрасная и мудрая демократия, “спустившись” к нам, обретает совершенно иной смысл, нежели тот человеческий и научный идеал, который он в нее вкладывает». Политическая изоляция Масарика во внутриполитических вопросах имела особенно тяжелые последствия именно в сфере межнациональных отношений. Среди его чешских соратников позитивные идеи президента нашли свое последовательное продолжение исключительно в национально-политических трудах Эмануэля Радла (Litván Gy., 1990: 170–188).

Национальное государство — конечная цель или промежуточная стадия?

Еще один серьезный поворот во взглядах Масарика представляется важным не только для понимания эволюции проблемы меньшинств, но и для исторической траектории всего центральноевропейского региона. В первые годы мировой войны он рассматривал, сначала в качестве программы-минимум, а затем как некую долгосрочную цель, союз (кооперацию) малых государств региона как возможную, более высокую форму существования «новой Центральной Европы». В «Новой Европе» основной акцент делается уже на условиях такого объединения: «О подлинной федерации народов можно будет говорить лишь тогда, когда сами народы смогут объединяться свободно и по собственной воле. Именно к этому ведет развитие Европы. [<...>] Если и возникнут федерации малых государств, то это будут федерации, созданные на основе свободного решения и подлинной внутренней потребности народов, а не продикто-

ванные династическими и империалистическими устремлениями или намерениями» (Masaryk T., 1923: 45).

Трудно судить, могла ли мирная программа, ориентированная на федерализацию, привести к созданию жизнеспособного объединения на карте региона, несомненно раздираемого множеством межнациональных конфликтов, после 52 месяцев мировой войны. Вероятно, находившийся в эмиграции Оскар Яси был прав, когда, сопоставляя свои федералистские идеи 1918 г. с масариковской концепцией системы малых государств, пришел к следующему выводу: «Нельзя отрицать, что в 1918 г. президент Масарик в общих чертах верно предвидел ту систему государств, которая возникнет в результате великой мировой войны. Однако один лишь вопрос новых государственных границ не мог удовлетворить стремящуюся к универсализму душу президента. Новый государственный порядок должен был служить для Европы лишь своего рода каркасом. [<...>] Беспрепятственное развитие всех национальных меньшинств следовало обеспечить через международный суд (в интересах целого союз культурных государств может и должен вмешиваться во внутренние дела отдельного государства), и, наконец, Европа нуждалась в нравственном перевоспитании» (Jászi O., 1930: 7).

Ответ на этот вопрос сохраняет свою актуальность и в середине третьего десятилетия XXI в.; он принципиально важен для разрешения современной дилеммы: следует ли рассматривать форму национального государства в контексте объединяющейся Европы как решение, рассчитанное на столетия, или же как необходимый переходный этап. Для Масарика независимое национальное государство благодаря возможности территориального размежевания и обретения национальной независимости означало ликвидацию отношений господства и подчинения. Тем самым оно становилось «преддверием» подлинной федерации, достижимой лишь в условиях свободы, т.е. базовой предпосылкой для добровольного объединения. Иное дело, что почти столетняя история национальных государств в нашем регионе, судьба которого во многом определялась великими державами, скорее напоминает бесконечный лабиринт: из-за этнических конфликтов здесь вновь и вновь возникает угроза «балканизации», а вместе с ней перманентный риск экономического отставания и разобщенности.

На протяжении XX в. национально-государственная концепция Масарика многократно и по разным причинам подвергалась искажениям: конструкт «чехословацкой политической нации» подобно понятию венгерской политической нации в эпоху дуализма оказался неспособен обеспечить рамки для подлинного национального равноправия. Напротив, он подталкивал к сепаратизму меньшинства, не желавшие

отказываться от собственной национальной идентичности, а две нации большинства на протяжении большей части XX в. побуждал прибегать к форсированной государственной ассимиляции или даже к жестким методам этнической гомогенизации. Сформировавшееся в годы Второй мировой войны немецкое военно-политическое доминирование и концепция центральноевропейского «жизненного пространства» лишали всяких перспектив любую национальную государственность в регионе точно так же, как и последовавший за ними *pač sovietica* с его четырьмя десятилетиями эпохи партийно-государственной монополии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Bari, L.B. (2016). A New Europe, Ausztria és Magyarország (1916–1918). In: Juhász, J., Bartha, E. (szerk.). Kelet-európai sorsfordulók. Tanulmányok a 80 éves Palotás Emil tiszteletére. Budapest: ELTE BTK Kelet-Európa Története Tanszék. S. 72–81.
- Dobossy, L. (1989). Masarykról magyar szemmel. In: Dobossy, L. (1989). Gondban, reményben azonosan. Budapest: Gondolat Kiadó. S. 85–146.
- Ferenčuhová, B. a kol. (2014). Milan Rastislav Štefánik a česko-slovenské zahraničné vojsko (légie). Kapitoly a príspevky. Bratislava: Spoločnosť Pro Historia.
- Hain, R. (1999). Staatstheorie und Staatsrecht in T.G. Masaryks Ideenwelt. Zürich: Schulthess Polygraphischer Verlag.
- Hájková, D. (2014). Emanuel Voska. Špionážní legenda první světové války. Praha: Academia.
- Havlin, M. (2011). Die Rede von der Schweiz. Ein medial-politischer nationalitätendiskurs in der tschechoslowakei 1918–1938. Frankfurt am Main: Peter Lang. P. 18–25.
- Holec, R. (2015). Slovenské československé 20. storočie. In: Horský, J., Hroch, M. (eds.). Sto let. Hodnota svobody, nebo cena za nezávislost. Praha: Sociologické nakladatelství. S. 265–298.
- Hroch, M. (2018). Myšlenka nezávislosti v programech evropských národních hnutí. In: Horský, J., Hroch, M. (eds.). Sto let. Hodnota svobody, nebo cena za nezávislost. Praha: Sociologické nakladatelství. S. 98–105.
- Jászi, O. (1930). Masaryk elnök tanításai. In: Darvas, S., Surányi, G., Várady, A. (szerk.). Masaryk G. T. életműve, működése és hatása. Bratislava.
- Kalvoda, J. (1998). Genese Československa. Praha: Panevropa.
- Kautmann, F. (1990). Masaryk — Šalda — Patočka. Praha: Evropský kulturní klub.
- Kovtun, J. (1987). Masarykův triumf. Toronto: Sixty-Eight Publishers Corp.
- Kubů, E. (2015). T. G. Masaryk a jeho c. k. protivníci. Československá zahraniční akce ženevského období v zápase s rakousko-uherskou diplomacií, zpravodajskými službami a propagandou (1915–1916). Praha: Univerzita Karlova, Nakladatelství Karolinum.
- Leonhard, J. (2014). Die Büchse der Pandora. Geschichte des Ersten Weltkriegs. München: C.H. Beck.
- Leonhard, J. (2018). Der überforderte Frieden. Versailles und die Welt 1918–1923. München: C.H. Beck.
- Litván, Gy. (1990). Jászi Oszkár és a Maléter-család kapcsolatai. Regio. 1990. No 4. S. 170–188.
- Masaryk, T.G. (1901). O věcech slovenských. Naše doba. 1901. No 1–5.
- Masaryk, T.G. (1908). Česká otázka. Snahy a túžby národního obrození. Praha: Pokrok.

- Masaryk, T.G. (1923). Az új Európa. Košice: Globus; részletek In: Masaryk, T.G. A világforradalom 1914–1918. Budapest: Európa Könyvkiadó.
- Masaryk, T.G. (1933). A köztársaság elnökénél. In: Cesta demokracie. Soubor projevů za republiky (1918–1920). Sv. I. Praha. S. 310–314.
- Masaryk, T.G. (1960). The Problem of Small Nations in the European Crisis. London: King's College.
- Masaryk, T. G. (1991). Demokrácia, nemzetiség. Gondolatok a kisebbségi kérdésről és az antiszemi tizmusról. Budapest: Pozsony. P. 23–35.
- Miller, B. (1989). The United States, Revolutionary Russia, and the Rise of Czechoslovakia. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Okmányok T. G. (1954). Masaryk nép- és nemzetellenes politikájáról. Bratislava. P. 50–51.
- Opat, J. (1990). T.G. Masaryk — osobnost orientační. In: Masaryk, T. G. O bolševictví. Praha.
- Orzoff, A. (2009). Battle for the Castle. The Myth of Czechoslovakia in Europe 1914–1948. Oxford: Oxford University Press. S. 32–43.
- Pekník, M. (1995). T. G. Masaryk a niektoré aspekty slovensko-českých vzťahov za prvej svetovej vojny. In: První světová válka, moderní demokracie a T. G. Masaryk. Praha: Ústav T. G. Masaryka. S. 227–236.
- Petráš, R. (2009). Menšiny v meziválečném Československu. Právní postavení národnostních menšin v první Československé republice a jejich mezinárodněprávní ochrana. Praha: Karolinum. S. 36–45.
- Rumpler, H., Harmat, U. (eds.) (2018). Bewältigte Vergangenheit? Die nationale und internationale Historiographie zum Untergang der Habsburgermonarchie als ideelle Grundlage für die Neuordnung Europas (Die Habsburgermonarchie 1848–1918, XII.). Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften.
- Rychlík, J., Marszik, D. T., Bielik, M. (eds.). (1995). R.W. Seton-Watson and his Relations with the Czechs and Slovaks. Documents. 1906–1951. Vol. I. Martin: Ústav T. G. Masaryka — Matica slovenská. S. 201–209.
- Šolle, Z. (1995). Rakousko a Masarykova idea Nové Evropy. In: První světová válka, moderní demokracie a T. G. Masaryk. Praha: Ústav T. G. Masaryka. S. 139–148.
- Soubigou, A. (2004). Tomáš Garrigue Masaryk. Praha–Litomyšl: Paseka.
- Szarka, L. (1990). Egy XX. századi államalapító emlékiratai. In: Masaryk, T. G. A világforradalom 1914–1918. Budapest: Európa Könyvkiadó. S. 437–441.
- Szarka, L. (2012). Panslavismus, Austroslavismus, tschecho-slovakische Einheitsbewegung. Die Alternativen der slowakischen nationalen Entwicklung und die ungarische Nationalitätenpolitik am Ende des 19. Jahrhunderts. Eruditio — Educatio, 2012.
- Szarka, L. (2015). A soknemzetiségű birodalmaktól a multietnikus nemzetállamokig. Világtörténet, 2015. No 5. S. 171–192.
- Szarka, L. (2016). A multietnikus nemzetállam 1918–1992. Kísérletek, kudarcok és kompromisszumok Csehszlovákia nemzetiségi politikájában. Pozsony: Kalligram.
- Vondrášek, V. (1995). Konstituování státnosti a problémy její obrany. In: První světová válka, moderní demokracie a T. G. Masaryk. Praha: Ústav T. G. Masaryka. S. 96–102.

NATIONAL-STATE ARGUMENTS AND THE “NEW EUROPE”: T.G. MASARYK AND THE ESTABLISHMENT OF THE CZECHOSLOVAK STATE

László Szarka

Rubicon Institute, Budapest, Hungary; J. Selye University, Komárno, Slovakia,
e-mail: laszloszarka@gmail.com

Abstract. This article examines the political ideas and activities of Tomáš Garrigue Masaryk related to the development of the Czechoslovak state during World War I. Particular attention is paid to Masaryk's concept of reorganizing Central Europe, outlined in his work “New Europe: A Slavic Perspective”, as well as the political and ideological preconditions for the Czechoslovak national movement. The evolution of Masaryk's views from the Austro-Slavic and cultural-national programs of the late 19th and early 20th centuries to the idea of creating an independent national state for Czechs and Slovaks is analyzed. The activities of the Czechoslovak political émigré community in the Entente countries, the diplomatic efforts of its leaders, and the influence of the international context of the war on the formation of the new state concept are examined. The article demonstrates that the project of Czechoslovak statehood was shaped by the complex interaction of national aspirations, the geopolitical interests of the great powers, and the principle of national self-determination, which often faded into the background during the post-war reorganization of Europe.

Keywords: Tomáš Garrigue Masaryk, Czechoslovakia, World War I, national self-determination, Central Europe, Czechoslovak emigration, national movements, dissolution of the Austro-Hungarian monarchy, small nations of Europe, new political map of Europe